

Посол Х. Грэн: «Бедной стране трудно быть демократичной...»

Посол Германии в Республике Таджикистан Хольгер ГРЭН у местных журналистов известен как человек, умеющий задавать «неудобные вопросы». Редакция «АП», в свою очередь, решила адресовать некоторые из таких вопросов ему самому.

- Как вы оцениваете сегодняшние таджикско-немецкие отношения?

- Нашему сотрудничеству уже более 25 лет. Каждый год Германия предоставляет Таджикистану более 20 млн. евро по различным программам. Мы, как правило, встречаемся для больших переговоров один раз в год. В этом году мы встретимся после летних каникул, чтобы обсудить дальнейшую программу развития самых разных сфер вашей страны. Все наши программы рассчитаны на два года. Таджикистан же, в свою очередь, всегда поддерживает нас на международном уровне, поддерживает наших кандидатов на международных постах. И мы это приветствуем.

- В этом году Германия председательствует в ОБСЕ. Как вы оцениваете отношения Таджикистана с ОБСЕ?

- Есть многие области, в которых у Таджикистана очень хорошее сотрудничество с ОБСЕ. Например, в республике действует пограничный колледж ОБСЕ, где обучаются таджикские и афганские пограничники. Хорошее сотрудничество отмечено и в области борьбы с терроризмом. Но есть и такие направления, где существуют разногласия, к примеру, это касается проведения выборов в вашей стране.

- Таджикистан недавно посетил министр иностранных дел Германии. К сожалению, в СМИ дали лишь очень краткие сообщения о встречах министра. Не могли бы вы поподробнее рассказать о них?

- Визит главы МИД Германии в Таджикистан состоял из трех частей: встреча с президентом Таджикистана, встреча с его таджикским коллегой, а также - посещение офиса ОБСЕ, поскольку министр приехал в Таджикистан и в качестве председателя ОБСЕ в 2016 году. На всех трех встречах сотрудничество с ОБСЕ было в центре дискуссий. Вторая, большая тема касалась безопасности в регионе. И для Таджикистана, и для Германии возвращение боевиков из Сирии и Ирака представляет реальную угрозу.

- На разных конференциях вы поднимаете вопрос о методах борьбы силовых структур Таджикистана с радикализмом, экстремизмом и терроризмом. Но вы ни разу не сказали, как сами оцениваете эти методы борьбы...

- По-моему, необходимо разделять эти понятия: террористов, которые являются преступниками, и людей, склонных к экстремизму. И те, и другие есть в Таджикистане и Германии. Конечно, тех людей, которые пошли на преступление, необходимо наказывать. Но и здесь необходимо оценивать тяжесть их преступлений. Например, если человек был в Сирии, но там не совершал убийств, в Германии он будет осужден на 2-4 года. Но не всегда легко доказать, что тот, кто был в Сирии, участвовал в боевых действиях. В Германии важно, чтобы в суде было доказано, что человек совершил преступление. Другой аспект: если молодой человек склонен к экстремизму, надо обратить на него внимание, попытаться поговорить с ним, чтобы экстремизм не перешел в терроризм. Это, конечно, нелегко ни у вас, ни у нас. Это долгий процесс, и не всегда успешный. Но надо стараться, чтобы такие люди не перешли к насильственным действиям. Но сажать в тюрьму только за это - неправильно.

- Германия выделяет Таджикистану многомиллионные гранты. Есть ли какие-либо условия, которые выдвигает Германия таджикской стороне, перед тем как выделить помощь?

- Мы всегда говорим о том, чтобы наши гранты использовались по назначению. Каждый год во время наших встреч мы обсуждаем, какие программы мы хотим поддержать и оказать финансовую помощь. Каждые два года проходят формальные переговоры, на которых мы говорим о том, что хотим сделать вместе и потом принимаем решение, какие программы мы можем поддержать.

- Например, на 2016-2017 годы Германия предоставила Таджикистану грант на социальный сектор в размере 54,4 млн. евро. На что конкретно пойдут эти средства?

- Мы, в основном, оказываем помощь в области образования и здравоохранения. В течение 10 лет мы совместно построили в Таджикистане 65 школ. Во многих регионах страны мы построили несколько десятков родильных домов. В каждом роддоме рождается 5-7 тыс. детей ежегодно. После летних каникул мы обсудим, в каком размере и на что будут выделены средства. Сейчас же мы продолжаем расходовать те деньги, которые были предоставлены ранее.

- Как вы считаете, насколько ситуация в Таджикистане улучшилась или, наоборот, ухудшилась после событий сентября прошлого года?

- Это сложный вопрос. Я думаю, что после запрета Партии исламского возрождения Таджикистана пространство для демократии немного сузилось. Так как ПИВТ была довольно сильной оппозиционной партией, и теперь она больше не может функционировать в стране.

- Как вы тогда оправдываете выделение многомиллионных грантов стране, где сузилось пространство для демократии?

- Это мое личное мнение: хоть пространство и стало меньше, это не может быть причиной для приостановления сотрудничества с Таджикистаном в целях развития. Мы знаем, что путь к демократизации не короткий, поэтому на этом пути мы охотно будем на стороне Таджикистана и поможем развитию демократии. В Германии тоже путь был нелегкий. Во времена Третьего рейха в Германии была диктатура, и только после войны в течение 10-20 лет мы стали той страной, которой мы сейчас являемся. Быть демократической страной не так трудно, если страна богатая, но если страна небогатая, то - труднее. Экономическая ситуация в Таджикистане в течение двух лет ухудшилась из-за экономического кризиса в России.

- Молодые таджикистанцы не раз собирались у вашего посольства и представительства ЕС с требованием экстрадировать в Таджикистан так называемых «предателей Родины». Вы ответили на их письменные запросы?

- Были два случая, когда я был в Таджикистане, и люди собирались перед воротами нашего посольства. Один раз, когда собрались женщины, я попробовал поговорить с ними, но это оказалось невозможно. У меня сложилось впечатление, что они сами не знают, почему собрались у посольства, так как, когда я к ним вышел и сказал, что готов принять их представителей, они продолжали кричать и не пожелали общаться. Во второй раз была группа, которая была недовольна тем, что в Германии будет манифестация «Группы 24». Я принял их двух представителей. Мы говорили около часа. Я им объяснил правила манифестаций в Германии: если она будет мирной, наши власти не могут ей препятствовать. Я также сказал им, что мирную демонстрацию они могут провести и у стен нашего посольства, я не против. Они ушли, и демонстрации не было.

- Как вы аргументировали митинговавшим пребывание в Германии людей, которые объявлены таджикскими властями преступниками?

- Действительно, Германия предоставила политическое убежище некоторым таджикским гражданам, которых ваше правительство объявило террористами, и которых мы рассматриваем как мирных оппозиционеров. И то, что процессы против таких людей в Таджикистане проходят в последнее время почти исключительно за закрытыми дверями, порождает у нас сомнения в том, насколько обоснованы обвинения в отношении их. Находится ли М. Кабири в Германии, как здесь утверждается, я не знаю. Я слышал, что он находится в Европе, но не в Германии. Если оппозиционеры просят о предоставлении политического убежища в Германии, то это решается по закону, и окончательное решение по этому вопросу принимает только суд. Я объяснил молодым людям, что этот вопрос - не к правительству Германии. У нас есть статья в Конституции, где говорится, что политически преследуемые лица получают статус политического беженца в Германии. Это конституционное право, но это решает суд. Судья зависит от закона и Конституции, и вопрос посредством звонка у нас не решается.

- Как Вы в целом оцениваете ситуацию в Таджикистане?

- Социальный спектр населения Таджикистана весьма обширный. Очень много людей, которые имеют экономические проблемы, и мало людей, которые имеют хорошие экономические шансы и хорошую жизнь. Я думаю, что в Таджикистане угроза социального взрыва небольшая, потому что здесь есть опыт гражданской войны. Но я видел это в Кыргызстане, где недовольство населения, в конце концов, привело к революции. Я видел это в Йемене, где был послом, когда произошла смена правительства. Но после этого ситуация стала еще хуже, и в Йемене продолжается война между различными группами. Поэтому, я думаю, что правительство должно сделать все возможное, чтобы снизить социальную напряженность и сохранить стабильность.

- Что Вы думаете о блокировке информационных сайтов в нашей стране?

- Свобода СМИ - один из принципов ОБСЕ. Поэтому, я думаю, что СМИ должны быть свободными. Если информационные сайты блокируются - это очень плохо. И я сомневаюсь, что блокировка носит технический характер.

- Евросоюз и другие международные организации нередко делают заявления об ущемлении прав человека. Насколько к этим заявлениям прислушиваются таджикские власти?

- Если со стороны европейских стран есть заявление о нарушении прав человека, то правительство Таджикистана может реагировать на это, как считает нужным. Конечно, еще есть обязательства Таджикистана перед ОБСЕ, которые правительство республики взяло на себя, и есть несколько принципов, которые Таджикистан должен соблюдать.

- Каково отношение европейского общества к мусульманским беженцам после серии терактов в Европе, в том числе, и в Германии?

- Это трудный вопрос. Как и во всех других странах, у нас есть люди, которые считают, что такое большое количество беженцев может негативно влиять на их жизнь, но есть и те, кто считает, что беженцам из конфликтных зон необходимо помогать. Я думаю, что большинство немцев полагают, что раз уж так сложилось, и что беженцы у нас есть, необходимо сделать все, чтобы они быстро интегрировались в немецкое общество. Германия - это демократическая страна, где свобода религии записана в Конституции, и это надо соблюдать.

- Как справляется Германия с кризисом, который все-таки вызван беженцами?

- Это самый важный вопрос. Если люди живут изолированно, то нет необходимости интегрироваться в общество. Такие тенденции есть в разных городах. Но мы пытаемся, чтобы новое и старое население смешалось. Если нет необходимости говорить на немецком, если все беженцы из арабских стран живут вместе, если можно купить продукты в арабском магазине, общаться только с людьми из своих стран, то тогда процесс интеграции затрудняется. Поэтому сразу после прибытия беженцев в Германию мы даем им возможность выучить немецкий язык. И молодым людям, детям в этом плане легче. Совсем недавно я прочитал, что количество беженцев, которые находят работу, стало больше. Конечно, в Германии в этом плане все-таки легче, чем в других странах Европы. И хотя у нас экономическое положение лучше, нам не хватает рабочих в определенных областях. Если у беженцев есть образование, если они знают немецкий язык, у них есть возможность найти работу.

<http://news.tj/ru/node/229684>